

Дети Природы и европейская цивилизация

«На всех здешних инородцах, да и на русских, проживших здесь долгое время, заметно, что бродячая жизнь, рыболовство и охота нравятся им больше, чем домовитость спокойной оседлой жизни. У них нет ничего, что составляло бы комфорт или служило для внешнего украшения жилища. Построить в лесу юрту, чтобы собирать в ее окрестностях коренья и ягоды, им приятнее, чем ухаживать за домашним огородом, могущим дать хороший доход, или ловить рыбу где-нибудь на ручье и жить в вонючем балагане более соответствует их вкусам, нежели делать свой дом обитаемым при помощи выгодного занятия разведением рогатого скота и лошадей.»

К. Дитмар. Середина XIX века.

Европейская цивилизация XX века привела к тому, что особенно последние десятилетия, стали трагическими в жизни малых народностей крайнего Севера и Востока России.

Древнейшая цивилизация народностей, нашедших свою экологическую и социальную нишу в экстремальных природных условиях, не смогла противостоять постороннему вмешательству и буквально на наших глазах заканчивает свое существование.

В чем же причина этой трагедии? Неужели она была предопределена, или все дело в роковом стечении обстоятельств?

Часто бывая на Севере и Востоке России, там, где основными видами деятельности человека традиционно до сих пор являются охота и рыболовство, я всегда удивлялся «неумению» коренных народностей добывать рыбу, пушнину, мясо наравне с русскими охотниками и рыбаками. Вроде бы все должно быть наоборот: тысячелетние промысловые традиции этих народностей должны были бы поставить их вне конкуренции по количеству и качеству добываемых природных ресурсов. Ан нет, в подавляющем большинстве случаев русские промысловики всегда были гораздо более продуктивнее. Так, например, на Таймыре в восьмидесятых годах один русский охотник добывал песцов больше, чем несколько десятков национальных охотников вместе взятых. И так по всем показателям.

Не сразу ко мне пришло понимание этого феномена, весь смысл которого заключен в эпиграфе данного раздела.

В экстремальных природных условиях севера могла выжить лишь цивилизация, не противопоставляющая себя Природе, а гармонично с ней слившаяся и ставшая почти неотъемлемой ее частью. Две основных составляющих живой природы – растительный и животный мир. Человек – высшее создание Божие, но не основное составляющее Природы. Природа в виде растительного и животного мира самодостаточна и вполне может обойтись без человека. Человеку же без этих двух составляющих не выжить. То есть, чтобы жить человеку там, где климатическими условиями он поставлен на грань выживания, ему необходимо стать частью природы, то есть вести образ жизни, близкий к образу жизни животного мира, но при этом оставаясь человеком.

Какие основные особенности животного мира? Чтобы выжить, любой животный организм должен обеспечить три основные функции: питание, воспроизводство, безопасность (самосохранение). И в естественной экосистеме эти функции выполняются лишь на грани необходимого, без большого запаса прочности, иначе это отразится на выживании других видов животных организмов (по вине человека в природе известны случаи дисбаланса экосистем, например история кроликов в Австралии и др.).

Человек Севера такое же дитя Природы, как и окружающие его животные организмы. Никакое животное не делает запасов кормов больше, чем ему необходимо для выживания. Никакое животное не прилагает сил больше для устройства жилища (убежища), чем это необходимо для самосохранения.

Процесс воспроизводства регулируется самой Природой по принципу пищевой пирамиды.

Вписавшись в природу Севера, человек научился обходиться таким же минимумом потребностей, как и окружающий его животный мир. К тому же, биологические ресурсы Севера и Дальнего Востока всегда были настолько богаты и разнообразны, что не имело особенного смысла делать большие продуктовые запасы. Образно говоря, проголодался – опустил руку в реку – достал лосося или вышел на побережье и добыл тюленя – надолго хватит. Ну а стада домашнего северного оленя всегда под рукой. Человек Севера уже генетически не способен брать у Природы больше, чем ему необходимо для выживания.

Аналогичная ситуация складывалась на Юге – бушменам Африки, положим, среди природного изобилия, так же не было необходимости заготавливать что-то на чёрный день. Это там, где природа бедна биологическими ресурсами, люди научились заготавливать продукты впрок, отсюда и необходимость расширенного воспроизводства. А тот, кто обходится минимумом, и живёт при этом в богатейшем краю, не имеет необходимости в товарном производстве. Понимание этого объясняет, почему в заготовках пушнины они не блещут производительностью.

Да им никогда не надо было столько пушнины! К тому же пушнина недолговечна в эксплуатации. Одежду они делали из шкур морзверя, (то есть утилизировали добытого зверя полностью), и из шкур северного оленя. А

насчет умения охотиться - попробуйте с копьем пойти на белого медведя или на утлой байдарке выйти в море на кита с одним легким гарпуном! Представить страшно, не то, что идти охотиться! До сих пор многие из них живут в условиях, которые нам, склонным украшать свои жилища, мягко говоря, не понятны. Но украшение жилища, одежды, по большому счету, не являются необходимыми условиями для выживания.

В это же время, в более благоприятных климатических условиях развивалась другая цивилизация – технократическая, пошедшая по прямо противоположному пути. По пути накопления и расширенного воспроизводства. Что изначально было обусловлено более скудными биологическими ресурсами, так как приходилось постоянно заботиться о завтрашнем дне. Усиленный труд приносил порой изобилие материальных благ, а к хорошему, как говорится, быстро привыкаешь, отсюда и тяга к накопительству, гарантирующая, впрочем, стабилизацию надёжного жизненного уровня. Эта технократическая цивилизация набрала силу (как кролик в Австралии) и в конце концов пришла к границе экстремальных природных условий и шагнула за эту границу, будучи облаченной в скафандр технических знаний и умений.

Столкнулись два мировоззрения, два образа жизни: гармония с Природой и борьба с Ней. Гармония – это нечто тонкое, невесомое, воздушное, а борьба – это слепая грубая сила. Результат всегда однозначен, если сила слепа.

В те далекие времена, сила еще не была столь слепа. Человек технократической цивилизации еще недалеко ушел от гармонии с Природой и силою всяких обстоятельств попадая к народностям Севера, он воспринимал их образ жизни, единственно возможный в тех условиях и становился похожим на них. Примером тому эпиграф.

Русские старожилы, начиная с XVIII века привнесли в быт оседлого коренного населения Камчатки огородничество и разведение крупного рогатого скота, которые из-за климатических условий не получили большого развития и не могли стать основой жизнеобеспечения. Поэтому сами русские старожилы и метисное население восприняли систему традиционного жизнеобеспечения оседлых ительменов как готовую модель адаптации.

С.П. Крашенинников в 1739 году писал: «Казачье житье на Камчатке не разнится почти от камчадальского, ибо как те, так и другие питаются корением и рыбою и в тех же трудах упражняются».

Время шло, технократическая цивилизация постепенно наполнила собой земные окраины, и количество перешло в качество. «Человек в скафандре» привнес на окраины свой образ жизни и насильно одарил им беззащитных и бесхитростных детей Природы.

В результате на наших глазах происходит трагедия малых коренных народностей Севера. Пытаясь перенять наш образ жизни, они вошли в диссонанс со своим менталитетом и в прямом смысле этого слова - гибнут. А мы, желая помочь им, лишь усугубляем их страдания. Мы попытались заставить их участвовать в расширенном воспроизводстве – добывать для наших «нужд» больше природных ресурсов, стимулируя казначейскими билетами и спиртом. Однако их организм никогда не знал этого зелья и оказался перед ним беззащитным. Мы стали приучать их детей к нашей

цивилизации – собирали в школы-интернаты, оторвав от знаний и навыков их предков. В результате они потеряли связь со своей цивилизацией и не встроились в нашу. Они пытаются жить как мы, но жить так не могут. Печальное зрелище представляют сейчас многие национальные поселки – на них печать вырождения и безысходности.

Передо мной фотографии 100-летней давности – красивые лица достойных людей, добротная национальная одежда, спокойная уверенность во взглядах. Все это в прошлом. Сейчас все по-другому.

Современная социально-экономическая ситуация в стране в первую очередь ударила по самому слабому звену – малым народностям Севера. Основа их жизни – традиционные виды природопользования, подорвана. В самом худшем состоянии находится оленеводство. Оленеводческие колхозы, распавшись на частные хозяйства, фактически влачат жалкое существование. поголовье оленей резко уменьшилось. Пастухи спиваются, а заменить их будет некому – молодежь не идет в тундру, в интернатах их учили чему угодно, но не оленеводству. Национальная молодежь не любит тундру и боится ее. Раньше они устраивались работать дизелистами, киномеханиками и т.д. сейчас работы для них нет. Волки наносят стадам большой урон, но авиацию на борьбу с ними уже не отпускают – нет денег. Ветеринария и зоотехния в больших оленеводческих хозяйствах, по силам лишь организованной государственной системе, но эту систему, как известно, уничтожили. Продукция оленеводства не имеет сбыта на местах и пастухи в результате остались без продуктов питания, кроме оленины и рыбы. Свою лепту в уничтожение оленей вносят и браконьеры, добывая оленину самостоятельно или приобретая её за водку. Оленеводство нашего северо-востока находится на грани бытия. Охота на морзверя в национальных поселках почти не практикуется, сами ворвань давно уже не едят, а время собачьих упряжек фактически закончилось. Рыбозаводы, промысловые хозяйства, совхозы прекратили свое существование, лишив тем самым местное население рабочих мест и стабильных заработков. Хотя, надо сказать, что руководители производств всегда с крайней неохотой брали в штат местных жителей из-за их непредсказуемости в вопросах трудовой дисциплины. Ну не заложено у них тяги к промышленному производству!

На Камчатке, например, единственная возможность заработать в течении двух-трех месяцев в году – напороть икры и продать ее за бесценок или за водку многочисленным перекупщикам, при этом рыба бросается тут же на берегу или в реку. Поэтому реки в окрестностях национальных поселков представляют собой ужасное зрелище - горы вспоротой протухшей рыбы с тучами мух над ней и соответствующим запахом... Социально-бытовые условия в этих поселках, мягко говоря, экстремальные. Продукты питания, уголь, ГСМ сюда завозятся крайне редко и нерегулярно. Коммунальные системы чаще всего не функционируют. Для ремонта и эксплуатации нужны деньги. А их нет. Да и потом, кто пойдет ремонтировать ту же теплотрассу за мизерную плату, когда на икре можно заработать сразу и много. Большие заработки на разграблении природы развращают людей и отучают их работать вообще.

Впрочем, это не вина их, а беда наша общая. Пока государственная политика направлена на разрушение государства, все мы поставлены на грань выживания. А несчастные в своей беззащитности дети Природы за эту грань уже шагнули.

Владимир Киприянов, биолог – охотовед. Фото автора